

УДК 94 (470.6) "18"

<http://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.8>

С. С. Лазарян

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ В 30–50-Х ГОДАХ XIX СТОЛЕТИЯ КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ С РОССИЕЙ В ПЛАНАХ ЕЁ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТИВНИКОВ

Главные геополитические противники Российской империи в первой половине XIX века – Англия, Франция и Османская Порты стремились осложнить ситуацию на Северном Кавказе, настраивая местное горское население против русских. Они не только направляли на восточное побережье Черного моря своих агентов и эмиссаров, собиравших там разведывательную информацию, и распространяли антирусские воззвания, но по морю на коммерческих судах доставляли к горцам, непримиримо настроенным к русским, различные товары, вооружение и порох.

Европейские и турецкие агенты убеждали черкесов бороться против русских и обещали им военную поддержку со стороны европейских монархов, которые не признавали права России владеть Черноморским побережьем Кавказа. Настроенные также враждебно к русским поляки-эмигранты вместе с европейскими агентами проникали на Кавказ из Константинополя, где располагались их вербовочные центры и пытались объединить черкесов с польскими дезертирами, бежавшими из русской армии, убеждали их вместе сражаться с общим противником.

Все усилия использовать Северо-Западный Кавказ в качестве оружия, направленного на сдерживание России и даже на разрушение её государственности,

провалились. Черкесы не дождались действенной помощи от европейцев, стремившихся использовать их в своих политических целях, а поляки, сосредоточенные в своей ненависти к России, не сумели вовлечь и направить на борьбу за освобождение Польши ни черкесов, ни казаков, в которых они видели своих потенциальных союзников. Химерические планы лидеров польской эмиграции, выходили за рамки разумной реальности, а потому были больше фантазией, не имевшей в действительности оснований для воплощения.

Российские власти активно противодействовали проискам своих европейских, турецких и польских недругов, а к противостоянию с горцами Северного Кавказа стали подходить более вариативно, использовать не только силу оружия, но и меры, укреплявшие доверие и возможность мирного сосуществования.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Россия, Османская Порты, черкесы, европейские агенты, эмиссары, поляки-эмигранты, дезертиры, казаки.

Для цитирования: Лазарян С.С. Северо-Западный Кавказ в 30-50-х годах XIX столетия как средство борьбы с Россией в планах её геополитических противников // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 230–236. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.8

Sergey S. Lazaryan

THE NORTH-WESTERN CAUCASUS IN THE 30–50s OF THE XIX CENTURY AS A MEANS OF FIGHTING AGAINST RUSSIA IN THE PLANS OF ITS GEOPOLITICAL OPPONENTS

The main geopolitical opponents of the Russian Empire in the first half of the 19th century - England, France and the Ottoman Port - sought to complicate the situation in the North Caucasus by setting the local mountain population against the Russians. They not only sent their agents and emissaries to the eastern coast of the Black Sea, who collected intelligence information there, and distributed anti-Russian appeals, but by sea on commercial ships they delivered various goods, weapons and gunpowder to the mountaineers, irreconcilably disposed towards the Russians.

European and Turkish agents urged the Circassians to fight against the Russians and promised them military support from the European monarchs, who did not recognize Russia's right to own the Black Sea coast of the Caucasus. Poles-emigrants, also hostile to the Russians, together with European agents, penetrated into the Caucasus from Constantinople, where their recruiting centers were located and tried to unite the Circassians with the Polish deserters who had fled from the Russian army, urging them to fight together with a common enemy.

All efforts to use the North-western Caucasus as a weapon aimed at containing Russia and even destroying its statehood have failed. The Circassians did not wait for

effective help from the Europeans, who sought to use them for their political purposes, and the Poles, concentrated in their hatred of Russia, failed to involve and send neither the Circassians nor the Cossacks, whom they saw as their potential allies, into the struggle for the liberation of Poland. The chimerical plans of the leaders of the Polish emigration went beyond reasonable reality, and therefore were more of a fantasy that had no real basis for implementation.

The Russian authorities actively countered the intrigues of their European, Turkish and Polish enemies, and they began to approach the confrontation with the mountaineers of the North Caucasus more variably, using not only force of arms, but also measures that strengthened confidence and the possibility of peaceful coexistence.

Key words: North Caucasus, Russia, Ottoman Porte, Circassians, European agents, emissaries, emigrant Poles, deserters, Cossacks.

For citation: Lazaryan S.S. The North-Western Caucasus in the 30-50s of the XIX century as a means of fighting against Russia in the plans of its geopolitical opponents // Humanities and law research. 2022. V. 9 (2). P. 230–236. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.2.8

Кавказ, прежде всего, для Европы или Оттоманской Порты был средством и местом антироссийского влияния, сосредоточием антироссийской деятельности, орудием сокрушения её государственности. Этому в немалой степени способствовало не только активное неприятие присутствия России в регионе со стороны местных горских обществ, но и то, что Кавказ сделался местом агрегации и аккумуляции многих беспокойных элементов: ссыльных преступников, старообрядцев, беспутных чиновников и оскандалившихся офицеров, непослушных воле помещиков крестьян, отданных в рекруты, которыми пополнялись батальоны Отдельного Кавказского корпуса, беглецов всех мастей, разнородных злоумышленников, пройдох и авантюристов. Они, хотя и не представляли там большинства, но занимали заметное место в имперском сообществе, утверждавшемся в кавказском крае.

Недрузи России ожидали, что, например, «непокорные поляки, принужденные служить в русской армии, или уроженцы России, признанные виновными в том, что придерживаются мысли, неодобряемых правительством», и призванные в Кавказскую армию, что для них означало ссылку, должны были в таких обстоятельствах превратиться «в самых непримиримых врагов России» [12, с.198 – 199]. Сонм этих потенциальных недругов Российской империи могли пополнить дезертиры из казаков, солдат или поляков, искавших убежища среди горцев.

В британских политических или околополитических кругах (журналисты, публицисты) видели Кавказ острым и опасным оружием против России [6]. Они даже нашли подходящих для использования этого оружия людей. Там считали, что после 1831 г. многие поляки, странствовавшие без родины, без дела в Англии, Франции и других странах Европы, «кормясь жалкой пищей, предоставляемой из великодушия, несмотря на то, что это люди, отмеченные талантом и храбростью, ни один, имеющий высокое положение, все ещё не нашел свой путь на Кавказ – пристанище исключительно пригодное для сражения против их давнего и непримиримого врага» [12, с.198–199]. Англичане надеялись без особенно больших затрат и без принесения жертв со стороны своих подданных нанести максимальный вред России, даже сокрушить её.

Э. Спенсер подчеркивал, что если бы малое число этих людей приехало на Кавказ и добавило свои знания, опыт и военную тактику к мужеству и непримиримости черкесов, то «через несколько лет поляки могли бы перенести войну в самое сердце России, ослабить возможности её правительства и, вероятно, в конечном счете, преуспеть в освобождении своей страны» [12, с.198–199]. Многим в британском политикуме этого очень хотелось, а потому они выходили в своих мечтаниях за пределы существовавших реалий.

Англичане подталкивали поляков думать и надеяться, что «одержав однажды победу, они могли обрести в качестве союзников донских и кубанских казаков, многие из которых признают общее свое происхождение с поляками» [12, с.198–199]. Малороссы, по мнению пристрастных наблюдателей, бывшие костяком и социальной базой кубанского казачества, мечтали о восстановлении Запорожской Сечи [9, с.524]. Они были уверены, что «казаки колеблются в своем верноподданничестве» [9, с.524] российской монархии.

Англичане также назначили поляков, казаков быть оружием против России, исходя из опыта отслеживания перебежчиков и дезертиров из ОКК, которые составляли половину общей численности беглецов, а также и черкесов, отмечая степень их непримиримости и ненависти к русским, существовавших и поддерживаемых в черкесских горах. Английская разведка, опираясь на сведения, подаваемые британскими агентами, находившимися в разное время среди черкесов (Э. Спенсер, Дж. Белл, Д. Уркварт, Дж. Лонгворт, Найт) подчеркивала, что случаи дезертирства происходили гораздо чаще и были гораздо многочисленнее, чем российские власти готовы то были признать. «Большинство дезертиров составляли рядовые солдаты и казаки, бежавшие от правосудия или притеснений со стороны командиров. Некоторые просто предпочитали несколько лет на воле двадцати пяти годам тяжелой военной службе» [14, с.10], а часть казаков или поляков, обращались в ислам, женились на местных горских женщинах и принимали активное участие в набегах на российское пограничье. Так, например, поступил бежавший к адыгам в 1841 г. казачий офицер Семен Атарщиков, сделавшийся одним из опаснейших злодеев, прятавшихся в горах [14, с.10 – 11].

Кавказ также был удобным средством разведки для англичан, который они стремились задействовать в полной мере. Британский разведчик Артур Конолли в 1829 г. посещал Кавказ поездом из Москвы, оценивая все, что ему удавалось увидеть в Кавказской армии: «офицеров и солдат, их вооружение, выучку, мотивацию и моральные качества» [11, с.263 – 264]. В 1836 г. два английских агента появились среди натухайцев, приглашая их написать просьбу о помощи на имя английского короля и послать в Европу своих депутатов. Англичане прибыли из Трапезунда на турецком судне и сошли на кавказский берег в урочище Вардане [1, с. 855]. На Кавказе англичане «развернули новый фронт шпионской войны», чтобы иметь возможность «ударить по русским тылам чужими руками, чтобы не дать России закрепиться в Азии... потому что Кавказ станет плацдармом для русской атаки на Индию» [11, с.267, 273].

Помимо сухопутной разведки, британские агенты проводили её и с моря. У российских берегов были замечены шхуна «The Lord Charles

Spencer», под управлением шкипера Вильяма Мильварда, а также пароход «Плутония» – капитан Дринкватер [10, с.247], занимавшиеся проемами морского дна на рейдах крымских портов. Другая английская шхуна «Vizard» под управлением шкипера Lovey искала и поднимала в Наваринской бухте потопленные в 1827 г. орудия, чтобы впоследствии отвезти их на Кавказ. Шхуна принадлежала Д. Уркварту в совокупности с другими лицами. Этот Д. Уркварт, сделав для черкесов знамя независимости собственного изобретения, собирался с ним прибыть и вручить его черкесам для всеобщего восстания. В Смирне стояло несколько купеческих судов под английским флагом, нагруженных контрабандным товаром для черкесов [10, с.274, 278].

На одном из них находился корреспондент лондонской газеты «Morning Chronicle», некто Longworth в компании с уже известным русским Дж. Беллом, которого ранее арестовывали вместе со шхунной «Vixen» и который в мае 1837 г. пробрался к натухайцам, шапсугам и абадзехам и передал им знамя, якобы посланное им английской королевой [10, с.286]. Другая английская шхуна «Yarmouth», шкипер Trevilian, намеревалась завести к черкесам и абадзехам легкую пороховую мельницу [10, с.289]. В августе 1840 г. к кавказским берега прорывалась шхуна «Ariel» под командой шкипера Карла Блейдса (Blaydes) с бочками пороха для черкесов.

Французы, их консолидированное мнение выразил Ф. Талейран в беседе с А. Чарторыйским, считали, что русские, которых они называли «москвиты», «играют роль бича Господня над Европой... Дайте ему свободу, и он перенесет свою столицу в Константинополь, и граница его протянется с берега Адриатического моря под ворота Вены...» [9, с.531]. По этой причине Кавказ мог бы стать средством сдерживания России.

Британцы также мечтали превратить Кавказ в неприступный барьер российским устремлениям на Востоке, способный остановить движение России в сторону Индии, так как в то время «русская угроза...казалась очевидной для любого, бросающего взгляд на курту» [15, с.32]. Они вместе с французами превратили Константинополь в центр антироссийских сил, наиболее близко расположенный к Кавказу, из которого можно было направлять подрывную деятельность не только европейским или турецким агентам и эмиссарам, но наладить тесное взаимодействие с представителями дворянских сословий, бывших элитой среди черкесов. Им удалось добиться того, чтобы Константинополь (Царьград) приобрел для черкесов значение столицы мира, «там они заимствовались манерами, там учились грамоте, утверждались в мусульманстве, узнавали о политике и заискивали протекции у Порты» [9, с.539].

Чтобы удерживать черкесов в сферах своего политического влияния, все участники политической интриги, европейцы и турки, раздавали постоянные заверения, что они сочувствуют черкесам и помогут им в борьбе с русскими. Доставка оружия и пороха на Кавказ из Самсуна и Трапезунда была делом в 1830 – 1840-х гг. вовсе не трудным несмотря на то, что Россия стала защищать Черноморское побережье Кавказа учреждением прибрежного крейсерства военными судами. Доставка людей точно также не представляла больших затруднений, хотя русские крейсера, бывало, захватывали до 50 турецких и английских судов контрабандистов в год (1835 г.) [11, с. 269–270].

Не существовало каких-либо затруднений в получении рекомендательных писем у друзей Черкесии в Константинополе. Европейские и турецкие эмиссары запасались поручительными письмами у проживавших там черкесских дворян. Например, Сефер-бей Заного, благодаря уважению, которым пользовалась в горах его семья, мог позволить себе издали действовать на Кавказе. При нем постоянно находились депутаты враждебных русским шапсугам, среди которых были Хаджи Хартул, Хаджи Бесленей и мулла Мегмет. Сефер-бей имел письменно подтвержденные полномочия, скрепленные печатями почти 200 горских узденей и начальников. По внушению английских своих доброжелателей он посылал от своего имени письма, которые расходились среди шапсугам и их соседей, в которых повторялись уверения, что «Англия и другие державы признают независимость горцев и расположены даже выслать им помощь» [3, с.894 – 895].

Рекомендательные письма давали европейским эмиссарам возможность иметь в горах покровителей, без которых пребывание чужаков там было бы невозможно. Поскольку «как бы хорошо европеец ни владел местным языком, путешествуя среди азиатов, ему чрезвычайно трудно избежать разоблачения. Его выговор, манера сидеть, ходить или скакать верхом ... сильно отличаются от привычек азиатов» [15, с.168].

Э. Спенсер читал, что опасность добраться до Черкесии, «если действовать лишь с обычной осторожностью, не более чем страшилка, ибо в хорошую погоду и при попутном ветре маленькие турецкие суда способны проплыть от Трапезунда или любого иного порта в Лазестане до Верхней Абазии менее чем за 24 часа, не считаясь с русской блокадой» [12, с.199].

Лучшим временем для такой поездки была осень или зима, поскольку тогда устанавливались непогоды и штормы, и русские крейсера уходили в порты приписки на зимовку. Но даже в такое время, чтобы гарантировать успех предприятия, такого агента должны сопровождать лица, обладавшие свободой передвижения по русским владениям. Часто в этой роли выступали караимы

или армянские коробейники. «Благодаря торговым сделкам с жителями Кавказа, эти люди лично знакомы со многими влиятельными вождями различных племен и, что в равной степени важно для того, чтобы быть проводником, хорошо знают пути и тайные маршруты» [12, с.200].

Свой вклад в антироссийское противостояние на Кавказе внесли центры и представители эмиграции, вышедшие из польской инсurreкции. Во Франции таким центром был «Отель Ламбер», которым деятельно руководил Адам Чарторыйский, а в Константинополе его представителями и агентами поочередно были М. Чайковский, Вержбицкий, граф Костельский и полковник Иордан [9, с. 542].

Там считали, что по естественному духовному сродству, воплощавшемуся в рыцарском духе, поляки и черкесы не могли не любить друг друга. Тем более, что к А. Чарторыйскому приходили письма, авторство которых приписывали неким «старикам правого фланга» – черкесским узденям и старейшинам [9, с.540 – 541]. Они желали иметь над собой человека, не связанного местным родством и не замешанного в местных распрях. Названные черкесы готовы были рассмотреть в качестве такого кандидата одного из сыновей князя Чарторыйского.

Проект не был реализован, что вызвало недоумение у современников, настроенных критически в отношении России. Так, Василий Кельсиев считал, что «... раз проложив дорогу польской эмиграции на Кавказ, устроив из неё отдельный отряд и даже земледельческие колонии, можно было смело рассчитывать на дезертирство поляков из Кавказского корпуса, можно было вести войну... систематическим образом, и если не отнять ... Кавказ, то сделать его больше чем он был» [9, с. 540–541].

Кавказские реалии были все же несколько иными, чем о них думали в европейских кругах, неприязненных к русским. Рыцарства в горах не оказалось, как не оказалось какой-либо симпатии к чужакам. На Кавказе «преобладал полнейший феодализм». Черкесские князья ссорились между собой по всякому поводу, «племя ходило на племя, кровная месть поднимала целые войны» [9, с. 540–541]. Северо-Западный Кавказ «кипел своими домашними делами, которые совершенно заслоняли от него всякие интересы цивилизации и всякие политические союзы с Доном, с Украиной и с Польшей» [9, с. 540–541].

Черкесы по своей природной склонности были крайне подозрительны к чужакам и не выказывали радушия к дезертирам и перебежчикам, «опасаясь, что между ними притаился волк в овечьей шкуре» [10, с.198], т.е. русский шпион. Солдаты и офицеры из поляков, получив опыт взаимодействия с черкесами, не пошли к ним, потому что «горцы не делали ни малейшего отличия между поляками и русскими, и всех пленных одинаково обращали в рабство» [9, с.541].

Российские власти знали о настроениях и проектах, циркулировавших в среде европейской политической публики, а потому внимательно отслеживали передвижения враждебных им эмиссаров и агентов влияния на Кавказе и в сторону Кавказа. Это требовало большой и кропотливой совместной работы российской разведки, зарубежных консулов, контрразведки и полицейских властей. Из Константинополя весьма часто приходили сообщения от полномочного министра при Порте Оттоманской тайного советника А. П. Бутенева, который располагал там разветвленной агентурой и сообщал в июле 1837 г., что в течение месяца в г. Самсун собирались прибыть два офицера английской службы, полковник Консигейт и капитан Смит, которые намеревались посетить Черкесию с особой миссией [10, с.286].

Кроме того, А. П. Бутенев сообщал, что по распоряжению Дж. Белла, находившегося среди черкесов, строилась шхуна около пристани абадзехов. Строителем был некто Хаджи Актоган из Самсуна. Ранее, по заказу того же Белла, было доставлено из Трапезунда на черкесский берег пороха на сумму 5 000 турецких пиастров, который выгружен там благополучно [10, с. 286].

Информация российским властям также поступала и от чрезвычайного посланника при Порте Оттоманской действительного статского советника барона Рикмана, который в ноябре 1837 г. предупреждал М. П. Лазарева, что в Константинополе находились два офицера английской службы капитан Маррин и лейтенант Идло, прибывшие из Черкесии морским путем до Самсуна, а оттуда в Константинополь. Их сопровождал принявший ислам поляк Полинский, состоявший при них переводчиком [10, с. 291]. Немало ценных сведений поступало от графа М. С. Воронцова, который, благодаря своему происхождению и связям в европейских аристократических кругах имел там конфидентов, снабжавших его информацией, которую российская контрразведка использовала в противоборстве с недругами России. Русская контрразведка весьма точно знала, чем занимались английские агенты в горах и пыталась разнообразными мерами пресекать их деятельность.

Суда Черноморского флота своим крейсерством вдоль восточных берегов Черного моря также должны были пресекать проникновение на Кавказ тех поляков, которые обвинялись в антироссийской деятельности и, по сведениям русской разведки, собирались прибыть в край, чтобы установить связь с «немирными» горцами. Таких агентов курировали «Отель Ламбер» и его представители в Константинополе, поскольку этот город в то время был переполнен поляками, которых всегда можно было встретить в местных кофейнях [8, с. 230].

Не меньшее значение в качестве одного из центров перевалки людей, настроенных враждебно к русским, в 1830–1840-е годы имел Трапезунд.

Там останавливались многочисленные группы черкесов и абхазов, направлявшихся в османскую столицу или возвращавшихся оттуда обратно. Трапезунд был также площадкой, куда съезжались работорговцы со своим живым товаром, который частично распродавался на месте, а частью переправлялся на другие рынки Востока. Там же собирались европейские авантюристы, нанимавшиеся на рискованные предприятия, направленные против России. Агенты европейских держав собирали там нужную им разведывательную информацию, а французский консул Кларембо тайно переправлял в Константинополь польских дезертиров из Кавказской армии [6, с.475].

На пограничные территории приезжал в 1836 г. генерал бывшей Польской армии Войцех Хржановский вместе с польскими офицерами Заблоцким и Пангловским, где они старались склонить к дезертирству военнослужащих Российской армии польского происхождения [1, с.968]. В том же году в черкесские горы направлялась миссия майора Мариана Бржозовского с заданием создать «подобие регулярной армии» из перебежавших от русских польских дезертиров и черкесов. В 1841–1844 гг. непокорных черкесов инструктировали в военных науках агенты Александр Верешинский, Людвик Зверковский, Казимеж Гордон [13, с.139].

В 1840-е годы А. Чарторыйский замыслил создать на Кавказе грандиозный антирусский союз из разнородных этнических групп. «У черкесов при помощи поляков, малороссов, линейных, донских, волжских и томских казаков, которые как народ рыцарский, тоже не приминут стряхнуть с себя петербургское иго, Кавказ освободиться, и деспотизму москалей на юге будет положен прочный предел» [9, с.540]. Также план предусматривал наступление союза антирусских сил: горцев – по Волге, донских казаков – по Дону и Воронежу на Тулу и Москву с параллельным и одновременным всеобщим восстанием Украины, куда должны были направиться черноморские казаки и контингенты войск, созданных из польских дезертиров Кавказской армии [16, с.93].

Как отмечала С.М. Фалькович: «Отель Ламбер тратил большие средства на пропаганду идеи освобождения Польши от власти царизма» [13, с.146] и стремился через своих агентов заразить ею кавказских горцев наряду со всеми теми, кого там считали потенциальными неприятелями русских. Эта польская сосредоточенность на собственной *Idee Fix*, не позволила им видеть и просчитать ситуацию, не впадая в иллюзии.

Все эти и иные усилия не имели большого успеха. Майор Бржозовский вообще не добрался до Черкесии, а Людвик Зверковский получил предательскую пулю в живот, был эвакуирован и скончался от ранения в Швейцарии. Казимеж Гордон в горах постоянно конфликтовал с убыхами из-за

своего неуживчивого характера и непреодолимой подозрительности со стороны горцев [16, с. 97–100]. Он был убит неустановленными лицами.

Не снискала большого успеха и миссия Адама Высоцкого, доставившего черкесам машины и механизмы «для делания пороха». Химера А. Чарторыйского развеялась как дым при столкновении с реальностью, а М. Чайковский стал сильно сомневаться в необходимости союзничества поляков с черкесами, поскольку те «...готовы совершать набеги и разбои в соседних русских поселениях, но их никогда нельзя будет убедить двинуться на Россию, подобно Батыю, чтобы подать руку помощи полякам...» [8, с.444].

Кроме того, многие из поляков, съехавшихся в Константинополь, были настроены против легионов, которые формировал М. Чайковский, обзывали их ослами. Среди наиболее злых хулителей были Бржозовский, Мильковский, Ширманский, а Калинка и Иордан настраивали против Чайковского польские клубы и комитеты, бывшие в Константинополе, пытались повлиять на польскую молодежь [8, с. 230].

Даже непримиримая к усилиям России на Кавказе Англия, вынуждена была искать новые подходы, поскольку сотрудничество с турками не только не приносило желаемого результата Лондону, но использовалось союзниками для укрепления, прежде всего, турецких позиций в регионе, которые «были полны решимости восстановить свою власть в Черкесии» [6, с.503].

С другой стороны, действия английских, турецких и польских эмиссаров, направленных на усиление среди кавказских горцев враждебности к России, попытки объединения и направление в солидарное русло антирусской борьбы, заставляло самих русских действовать более изобретательно и вариативно – разрушать основания ненависти к себе и предлагать позитивные для горских жителей способы сосуществования. Это отметил польский исследователь Людвик Видерзал, когда указал на то, что «Россия стала шире пользоваться методами социального лавирования» [6, с.143], что способствовало росту примирительных настроений среди черкесов, особенно среди натухайцев и шапсугов [16, с.94].

Российские власти также серьезно относились к любой информации, связанной с пребыванием на Кавказе или направлявшихся туда подозреваемых в злоумышлении против России поляков. Из Петербурга приходили в регион циркулярные предписания о розыске таких злоумышленников. В Кавказской Области и станицах Кавказского линейного казачьего войска в 1838 г. городскими и земскими полициями активно разыскивали польского выходца Иосифа Дыбовского, участника революционной организации и пропаганды Шимона Конарского. Этот Дыбовский «в исполнение своих

злонамеренных замыслов» разъезжал с революционной пропагандой под вымышленными именами и направился на Кавказ [3, л.1-4об]. В предписании сообщались приметы разыскиваемого: росту среднего, сухощав, волосы темнорусые и когда скоро и с жаром говорит, то часто заикается [3, л.3]. Злоумышленника не нашли: или он был непревзойденный конспиратор, или у страха – глаза велики.

В 1839 г. по предписанию МВД снова все окружные кавказские начальники разыскивали поляков Райковского и Цыбульского, которые укрывались под именами Жофруа и Годара [4, л.1]. Их также не нашли. Но в декабре того же года уже разыскивался рядовой Винцентий Мигурский, бежавший из Оренбургского линейного № 1 батальона [5, л.1]. Для властей этот человек казался очень опасным, поскольку участвовал ранее в «польском мятеже». Означенный Мигурский был пойман в Саратовской губернии.

Таким образом, совместные усилия и планы противников российского присутствия на Кавказе, не смогли реализоваться в полном объеме, хотя имели определенный результат – способствовали продлению горского сопротивления. Европейским агентам, а равно и турецким эмиссарам, не удалось сплотить горцев ненавистью и направить её разрушительную силу в целенаправленное русло, ведущее к сокрушению Российского государства. Европейские политики также не сумели преодолеть горской подозрительности к чужакам, поскольку намеревались использовать черкесов и даже поляков в своих собственных интересах, не считаясь с их устремлениями. Черкесы лишились иллюзий, связанных с обещаниями турок и европейцев подать им реальную военную помощь, «и это разочарование очень сильно повлияло на развитие событий на Кавказе во время кампаний 1853 – 1856 гг.» [2, с. 60]. Россия же приобрела новый опыт и научилась большей вариативности в своих действиях.

Список литературы

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1881. Т. 8. 1009 с.
2. Аллен У., Муратов П. Битвы за Кавказ. История войн на турецко-кавказском фронте. 1828-1921 / Пер. с англ. Е. В. Ламановой. М.: ЗАО Центрполиграф, 2016. 607 с.
3. Государственный архив Ставропольского края. Ф. 444. Оп.1. Д. 714.
4. ГАСК. Ф. 444. Оп.1. Д. 849.
5. ГАСК. Ф. 444. Оп.1. Д. 877.
6. Дегоев В.В. Кавказ и великие державы 1829-1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. 560 с.
7. Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык паши) // Русская старина. 1898. Август. С. 435-464.
8. Записки Михаила Чайковского (Мехмет-Садык паши) // Русская старина. 1900. Апрель. С. 219-236.
9. Кельсиев В.И. Польские агенты в Царьграде // Русский вестник. 1869. Т.81. № 5-6. С. 520-544.
10. Лазарев М.П. Документы / Под ред. полковника А.А. Самарова. М.: Воениздат МО СССР, 1955. Т. II. 712 с.
11. Медведев А.А. Война империй. Тайная история борьбы Англии против России. М.: Изд-во «Э», 2016. 800 с.
12. Спенсер Э. Описание поездок по Западному Кавказу в 1836 году/ Пер. с англ. К.А. Мальбахов. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 года», 2008. 256 с.
13. Фалькович С.М. Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30-60-х годов XIX века. М.; СПб.: Нестор - История, 2017. 320 с.
14. Ходарковский М. Горький выбор: верность и преданность в эпоху российского завоевания Северного Кавказа / Авторизованный пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
15. Хопкирк П. Большая игра против России: Азиатский синдром / Пер. с англ. И.И. Кубатько. М.: РИПОЛ КАСИК, 2004. 640 с.
16. Widerzal L. Sprawy Kauraskie w polityce Europejskiej w latach 1831-1864. Warszawa, 2011. 268 s.

References

1. Akti, sobrannye Kavkazskoi arheograficheskoi komissiei (AKAK) (Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission). Vol. 8. Tiflis, 1881. 1009 p. (In Russian).
2. Allen U., Muratov P. Bitvi za Kavkaz. Istoriya vojn na turecko-kavkazskom fronte 1828 – 1921 (Battles for the Caucasus. History of wars on the Turkish-Caucasian front 1828 – 1921) / translated by E.V. Lamanova. Moscow: ZAO Centrpoligraf, 2016. 607 p. (In Russian).
3. State archive of the Stavropol Territory (GASK). F. 444. Inv.1. D. 714. (In Russian).
4. GASK. F. 444. Inv.1. D. 849. (In Russian).
5. GASK. F. 444. Inv.1. D. 877. (In Russian).
6. Degoev V.V. Kavkaz i velikie derzhavi 1829-1864 gg. Politika, voina, diplomatiya (The Caucasus and the Great Powers 1829-1864 Politics, war, diplomacy). Moscow: Rubezhi XXI, 2009. 560 p. (In Russian).
7. Zapiski Mihaila Chaikovskogo (Mehmet-Sadik pashi) (Notes by Mikhail Tchaikovsky (Mehmet Sadyk Pasha) // Russkaya starina. 1898. August. P. 435 – 464; 1900. (In Russian).
8. Zapiski Mihaila Chaikovskogo (Mehmet-Sadik pashi) (Notes by Mikhail Tchaikovsky (Mehmet Sadyk Pasha) // Russkaya starina. 1898. April. P. 219–236. (In Russian).
9. Kelsiev V.I. Polskie agenti v Cargrade (Polish agents in Tsargrad) // Russkii vestnik. 1869. Vol. 81. No. 5 – 6. P. 520-544. (In Russian).
10. Lazarev M.P. Dokumenti (Documentation) / ed. by A.A. Samarova. Moscow: Voennizdat MO SSSR, 1955. Vol. II. 712 p. (In Russian).

11. Medvedev A.A. Voina imperii. Tainaya istoriya borbi Anglii protiv Rossii (War of Empires. The secret history of the struggle of England against Russia). Moscow: E, 2016. 800 p. (In Russian).
12. Spenser E. Opisanie poezdok po Zapadnomu Kavkazu v 1836 godu (Description of trips to the Western Caucasus in 1836) / translated by K.A. Malbahov. Nalchik: Respublikanskii poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 goda, 2008. 256 p. (In Russian).
13. Falkovich S.M. Polskaya politicheskaya emigraciya v obsh'estvenno-politicheskoi zhizni Evropi 30-60-h godov XIX veka (Polish political emigration in the social and political life of Europe in the 30-60s of the XIX century). Moscow; St.petersburg: Nestor - Istoriya, 2017. 320 p. (In Russian).
14. Hodarkovskii M. Gorkii vikor: vernost i predannost v epohu rossiiskogo zavoevaniya Severnogo Kavkaza (A Bitter Choice: Loyalty and Devotion in the Era of the Russian Conquest of the North Caucasus) / translated by A. Teresh'enko. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 232 p. (In Russian).
15. Hopkirk P. Bolshaya igra protiv Rossii: Aziatskii sindrom (The Big Game Against Russia: The Asian Syndrome) / translated by I.I. Kubatko. Moscow: RIPOL KASSIK, 2004. 640 p. (In Russian).
16. Widerzal L. Sprawy Kaukaskie w polityce Europejskiej w latach 1831-1864 (Caucasian affairs in European politics in 1831–1864). Warszawa, 2011. 268 p. (In Polish).

Сведения об авторе

Лазарян Сергей Степанович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета / aflost@yandex.ru
Адрес: д.9, пр. Калинина, 357352, Пятигорск, Российская Федерация.

Information about the author

Lazaryan Sergey S. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology, Pyatigorsk State University / aflost@yandex.ru
The address: 9, Kalinina Ave., 357352, Pyatigorsk, Russian Federation.